

Несколько хороших рассказов

Мой хороший друг

Часть I

Рассказы

И. А. Бунин

В июне 1945 года в Булонском лесу прогуливался старый человек. Он шел медленно, погруженный в свои мысли, часто останавливаясь для передышки. Молодые парочки, поглощенные собой, казалось, не замечали его. А вот его старческие глаза, видевшие и революцию, и войну, подмечали каждую деталь. В глубине души он завидовал им, свежести их чувств, их легкости, их мечтам. Несмотря на то, что со дня освобождения Парижа не прошло и года, и многое, из того, что было в старом Париже безвозвратно уничтожено войной, в город возвращалась атмосфера легкости и праздности. Париж снова становился городом любви, для которой он был слишком стар. Да, Париж уже не для него. Этот город для тех, кто еще верит в любовь. А он давно еще потерял всякую надежду найти того, с кем не будет так одинок. Что ему делать в городе молодых? Он семидесятипятилетний старик. Ему положено уже лежать в земле, а не мечтать о любви. Всего было в его жизни много, но только не любви. Если бы вернуться в прошлое и всё исправить! Но это невозможно. А впрочем, что же он собрался исправлять? Нет, таким как он положено лежать в постели у себя дома, и предаваться воспоминаниям. Но где его дом? Дом находится за гранью настоящего. Но, может, сейчас как раз время для исправления ошибок. Пора, когда блудный сын возвращается домой. Может, стоит забыть обиды, и теперь когда ему уде не страшна советская власть, посмотреть во что превратилась Россия. Ах, как бы ему хотелось объездить всю страну! К сожалению, Россия слишком большая, на всю у него не хватит сил. Но если была бы возможность вернуться, какое место он бы навестил первым. . .

Улица Большая Дворянская 1, сейчас правда называется проспектом революции. Фу, дурацкое название. И зачем большевикам понадобилось переименовывать улицы? Улица Большая Дворянская, понятно, что на ней живут дворяне, а теперь проспект революции! Неужто революция по нему шагала? Нет, революция шагала по переходам дворцов, кралась по их коридорам, обитых зеленым шелком. А дом все же был хорошим. Его в 1865 году купила бывшая губернская секретарша и начала сдавать часть комнат, там мы и жи-

ли недолго, конечно. Потом семья переехала в Орловскую область, в имение Озёрки. Он вспомнил тот день, когда впервые расстался с домом надолго. Он одиннадцатилетний щуплый юноша поступил в Елецкую уездную гимназию. Эта мысль тогда доставляла радость. Но по прошествии четырех лет его мнение кардинально изменилось. Вспомнил и те памятные зимние каникулы, когда так и не смог доказать родителям, что он уже вполне взрослая и сформировавшаяся личность, отказавшись возвращаться в гимназию. Вспомнил и удивление, написанное на их лицах. Тогда же он отдалился от них, потому, что они не приняли его всерьёз и после зимних каникул он вернулся в гимназию. Но через год Юлий взял над ним опеку, и можно было забыть об учителях и распорядке дня. Тем более, учась дома, он узнавал гораздо больше. А через год дебют в печати, а ему всего семнадцать, но фурора он не произвел. Дальше были два тихих года. Но вот в девятнадцать он переезжает в Орёл, идёт работать в местную газету. А потом была Варенька. Варвара Пашенко, сотрудница этой газеты. Ах, как были возмущены, удивлены и оскорблены в своих лучших чувствах его родные. Странно лишь то, что этот поступок они все же заметили. Чтобы как-то избавиться от их назойливости пришлось в 1892. Да, именно в этом году с Варенькой переехать в Полтаву. Варя была одним из его первых и продолжительных романов. Сейчас это называют омерзительным словом связь. Но она быстро забылась. Да и как могла не померкнуть какая-то Варенька перед Анной. Анной Цакни, дочерью революционера-народника, богатого одесского грека Николая Петровича Цакни. Но она, как и всякий ребенок богатых родителей была непозволительно красива и избалована. Знаете, говорят, что дети рождаются от большой любви. Значит мы с ней не любили друг друга, учитывая, что единственный ребенок, которого она мне подарила умер в пятилетнем возрасте. Да и *qui se marie par amour a bonne nuits et mauvais jours*. Но не могу сказать, чтобы после развода я сильно горевал. Меня спасла Вера. Вера Муромцева, ее знаменитый дядя был председателем Государственной Думы Российской империи первого созыва. Потом что-то сподвигло меня начать путешествовать, но ездил я недолго, всего два меня, зато посетил сразу три страны: Палестину, Сирию и Египет. В 1909 году мне снова дали Пушкинскую премию, а после избрали почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук. Многие критики стали говорить, что я непозволительно загордился и стал относиться к молодежи с недостойным высокомерием, но я за собой такого не наблюдал. . .

А затем наступила эта революция Вы только представьте была Россия, был великий, ломившийся от скарба дом, населенный могучим семейством, созданный трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? А появился выродок, нравственный идиот от рождения,

Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет? Низменной, лживей, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена. Я до последнего тянул с отъездом из России. Но в 1920 покинуть дом все же пришлось. Большевики подходили к Одессе. Я, как и многие мои соотечественники переехал во Францию. С тех пор постоянно меняю жилье. Не могу по долгу оставаться на одном месте. В 1933 году меня сделали лауреатом Нобелевской премии, дали 120 тысяч франков. Я нуждался в них, но были те, кто нуждался сильнее меня. В 1939 додумался снять виллу «Жаннет» В Грасе. Жена была со мной. Знаете, никогда не был сторонником *L'eau gate le vin comme la charette le chemin et la femme l'ame*. Она помогала мне прятать трех евреев. Есть поступки, которыми большего всего гордишься в жизни. Так я горжусь тем, что не продался фашистам, не стал сотрудничать с ними. Не понимаю, как могли Гиппиус, Мережковский поддаться им. Как можно так ненавидеть родную страну. . .

Но что-то я о грустном. Это уже в прошлом, хотя было совсем недавно. А как все-таки хочется поехать, посмотреть, побывать в знакомых местах, но. . . Поздно, поздно. . . Я уже стар, и друзей никого в живых не осталось. Из близких друзей остался один Телешов, да и тот, боюсь, как бы не помер, пока приеду. Боюсь почувствовать себя в пустоте. Франция стала для меня второй родиной. Я привязался к Франции, очень привык, и мне было бы трудно от нее отвыкать. А брать паспорт и не ехать, оставаться здесь с советским паспортом — зачем же брать паспорт, если не ехать? Раз я не еду, буду жить, как жил, дело ведь не в моих документах, а в моих чувствах. . .

Голос Родины

Когда на земле рождается человек, он получает от природы или от Бога, не знаю от кого точно, дар, чудесный дар, называющийся родиной. Родина — это место, куда он всегда сможет вернуться, чтобы ни случилось, и где его всегда будут ждать. Но, как и всякий дар, родина имеет свои особенности, которые нужно принять и понять. Можно сказать, что мы родину не выбираем, потому что это она выбирает нас. Но случается, что между человеком и родиной возникают непонимания, из-за которых люди уходят из дому и скитаются потом по свету одинокие, так и не нашедшие своего места в мире.

Большая капля упала на стекло и плавно потекла вниз, но не по прямой, что было бы более логичным, а сделав странный крюк. И все равно попала в то место, где оказалась бы, если бы текла по прямой. Так может в этом и кроется странная загадка жизни? Какие бы мы вихры не совершали, что бы ни вытворяли, мы все равно будем там, где нам уготовано судьбой. Как эта капля. Дэн поднял руку и протер запотевшее стекло. Он улыбнулся капле, которая завершив свой путь, слилась с другой каплей и теперь они вместе приближались к оконной раме, но теперь уже вместе. Потому, что если его догадка правильна, то еще не все потеряно, и рано или поздно он найдет свое место в мире. То самое место, которое ему уготовила судьба. А долго ли он бегал от судьбы?

Все началось еще в раннем детстве, когда он еще не был Дэном. Эту фразу он впервые услышал от отца, и если бы так ничему и не научился за эти годы, то винил бы его в своей несостоявшейся жизни. Человек всегда связан с тем местом, в котором родился. Эта связь, столь незаметная на первый взгляд, на самом деле соединила человека и его родину так сильно, что подчас не понять, где есть человек, а где его родина. Разные вариации этой фразы Дэн, бывший в то время просто Денисом, слышал потом на протяжении всей своей жизни. Она словно преследовала его постоянно, не давала покоя ни в школе, ни дома, ни на встречах с друзьями, заставляя каждый раз сомневаться в себе и задумываться, я ли это говорю или во мне звучит моя родина. Денис искал следы этой связи в каждом человеке, с которым начинал близко общаться. И именно, она стала решающим фактором в его побеге из дома. Денис хотел

понять, где он, а где родина, и сколько в нем его самого. Поэтому решил, что лучший выход — это побыть вдали от родины некоторое время, примерно года два. Тогда Денис считал, что двух лет, проведенных в другой стране, вдали от всего привычного, помогут ему найти себя, но он не понимал, что на поиски своего я, некоторые люди могут потратить всю жизнь, но так и не найти ответ, а другие с самого детства знают, кто они и каково их место в мире.

Тогда в семнадцать лет, когда ты видишь только одну цель, когда твои суждения категоричны и когда ты уверен, что мир только и ждет твоих действий, словом в то время, когда человек слеп сильнее всего, Денис сбежал из дома и стал Дэном. Он только закончил школу и, как и все, подавал документы на поступление в Вуз. Нет, мысль о побеге не была спонтанной, как и сам его побег. Свои планы он тщательно обдумывал на протяжении пяти лет, а к побегу готовился целый год, предварительно подсчитав все расходы, проблемы с визами, границами и многим другим. В интернете он познакомился с людьми, готовыми предоставить ему кров на первое время. В его планы входило объездить всю Европу за два года, не задерживаясь ни в одном месте более чем на месяц. Одного он не учел: страданий близких, и целого года вранья родителям в глазах, хотя врать Денис никогда не любил. И в то время, когда родители были уверены, что их сын готовится к вступительным экзаменам, он взял деньги, которые копил в течении пяти лет, вещи, которые могут понадобиться в первое время, сел на поезд и больше дома не появился.

Денис не боялся ни языкового барьера, он с детства учил два иностранных языка, ни воришек, брать у него было особо нечего, ни полиции, потому что он был просто путешественником. Денис не планировал забрасывать учебу, он нашел себе какую-то заочную школу и много читал. Читал пока ехал в поезде, самолетов он избегал, читал в кафе, на улице, на заправках и автостоянках, ночью и днем, в автобусах — везде и всегда, когда появлялась такая возможность. Первый год прошел очень легко. Он объездил половину Европы, познакомился с разными людьми, улучшил знания языков, не нуждался в деньгах, потому что в том городе, в котором останавливался, всегда находил нетрудную работу. Во второй год было чуть тяжелее. Денис перестал видеть смысл своей поездки. Он начал понимать, что поступил глупо, что стоило подождать и поступить в университет, потом отработать несколько лет, а дальше он был бы хозяином своей жизни. Но нет, молодости не свойственно быть терпеливой. А сейчас отступить — значило бы сдаться, признать свое поражение, поэтому решено было хотя бы одно дело довести до конца. В конце второго года, подъезжая к самой границе, Денис осознал, что дома он в принципе никому не нужен, что он упустил свое время, бездарно истратил на глупые поиски, потому что так и не приблизился к ответу, и родителям принесет только дополнительное огорчение.

Теперь он думал о родителях. С того дня он не переставая думал о родителях каждый день. А еще он понял, что это расплата за пренебрежение родиной, за нежелание принять свой дар и глупые эгоистичные настроения. Денис, вернее уже Дэн, отправил себя в добровольное изгнание. В тот день дождь шел плотной стеной, а Дэн оставил свой зонт в хостеле, и пытался рюкзаком прикрыть голову, но оставил это и позволил каплям свободно падать на его тело. В тот миг все смешалось, предметы потеряли привычные границы, не было понятно, где небо, где земля, железнодорожный вокзал, словно перестал существовать, люди исчезли, исчезли их голоса и шум, производимый ими, остался только звук дождя и ничего больше. Дэн перестал понимать, кто он и что здесь делает, он не мог отделить одну мысль от другой и чувства от мыслей, он перестал осознавать себя — миг, и помешательство прошло. Он снова был Дэном, снова стоял на вокзале, только теперь в его голове поселился странный шум, который с тех пор его не покидал.

Дэн научился жить с шумом в своей голове, смирился с ним, как жители больших городов смиряются с тем, что с приходом ночи, город не засыпает. После этого Дэн продолжил свое путешествие, только уже не заезжал в крупные города и туристические центры, где рисковал наткнуться на соотечественников. Так он и стал жить: автостопом доезжал до очередного маленького городка или деревушки, рядом с которой была автозаправка. Там нанимался эту самую автозаправку, кем угодно, оставался в этом городке на месяц, изучая местных жителей. С годами он научился легко понимать людей, и использовать свое умение себе на пользу. Теперь он спал, где придется, ел, что пошлет Бог, или не ел вообще, отрастил бороду, не смотрел в зеркала, редко менял одежду, зато почти все деньги тратил на книги, которые отсылал друзьям, в надежде, что от него в этой жизни после смерти останется хотя бы маленькая библиотека.

На маленькой автозаправке, около такого же маленького городка в центре Европы он оказался так же, как и на всех своих остальных местах работы. Вообще, он питал странную слабость именно к заправкам, возможно, потому что, заправки — неотъемлемая часть любого путешествия, пускай и быстро забываемая. Жил он здесь же, на заправке, спал на раскладушке, ел чипсы и запивал их минеральной водой или пепси. По правде говоря, он должен был покинуть это место еще пять месяцев назад, но что-то не давало ему этого сделать. Дэн снова протер окно, его взгляд скользнул на календарь. Смешно, восемь лет, именно в этот день он стоял на вокзале и тогда тоже шел дождь. То есть, уже десять лет он не был дома, не слышал родную речь. Десять лет — большой срок. Если тогда было поздно возвращаться с покаянием, то уж сейчас тем более.

Внезапно Дэн решил, что эту дату стоит отметить. Он быстро собрал свои пожитки, благо за эти годы их накопилось немного, и он разучился при-

вязываться к вещам. К заправке подъехал автомобиль, водитель направлялся в крупный город, располагавшийся неподалеку, и согласился его до туда подбросить. Они ехали два часа, и все это время шел дождь. Это не был ливень, а скорее тот дождь, под который хочется залезть в плед и грустить или включить какую-нибудь грустную музыку, привалиться к автомобильному стеклу и ни о чем не думать. Водитель высадил Дэна около какой-то кафешки. Всю дорогу шум в голове усиливался, и сейчас Дэн был немного дезориентирован. Он, словно сомнамбула, вошел в кафе, сел за дальний столик, не до конца понимая, зачем он это делает. У уставшей официантки попросил чаю и снова устался на стол, будто надеялся, что там найдет ответы. Но стол молчал. Его шероховатая поверхность когда-то была гладкой и блестящей, но сотни посетителей и чашек оставили на нем следы, и теперь он был погружен в себя, не замечая человека, ждущего ответа от него.

А посетители приходили и приходили, чай наливался, ароматный кофе готовился, и уставшая официантка носилась между всем этим, стараясь угодить всем. Она тоже была погружена в себя, и часть ее переживаний отпечаталась у нее на лице. Вдруг у нее зазвонил телефон, и все, кто пришел в кафе, обернулись к ней, а она даже не сразу заметила звонок. Потом смутилась, провела пальцем по сенсорной клавиатуре и быстро что-то начала говорить. Дэн словно очнулся ото сна. Девушка говорила на его родном языке, причем правильно без акцента. Слышно было, что это ее родной язык. Она врала маме, что хорошо устроилась, что спит, сколько положено, питается правильно и соблюдает диету. Дэн присмотрелся к девушке. В ее интонациях было что-то успокаивающее, как у мамы, когда он болел в детстве. Ее улыбка была такой же искренней, как у сестры, а волосы были также убраны в пучок, как у девушки, которую он любил. Весь вечер он просидел в этом кафе и наблюдал за девушкой. Вернее, его глаза следили за ее фигурой, легко лавирующей между столиков, а мысли были очень далеко.

Он вспоминал. Вспоминал все: маленькую квартиру в центре, пробки по утрам в школу, саму школу с ее строгими завучами, формой, учителями, тайными прогуливаниями уроков, выговоры родителей; поездки за город, на дачу, в лес. Он вспомнил свое местечко на крыше и то, как ночами уходил туда. Вспомнил, как готовился к экзаменам, вспомнил, как это было важно. Казалось, не было этих десяти лет. Они слились в одно пятно, где не было ничего, ни тьмы, ни света, просто большое серое пятно в его жизни. В этот момент он понял, что шум в его голове прекратился. Теперь там звучал голос. Голос этой девушки, только это не она говорила с ним. Он прекрасно понял, что это голос родины. А это значило только одно: он прощен.

Выходя из кафе, он подошел к официантке и шепнул ей на ухо «спасибо». На улице уже стояла ночь, дождь прекратился. За яркими вывесками не видно было звезд, но он знал, что они там есть, точно также, как и знал, что дома

его ждут. А раз его простили, раз она заговорила с ним, значит он нужен там, значит он возвращается домой.

Голос звучал в его всю ночь, пока он гулял по городу, прощаясь с ним, с этой страницы своей жизни. Денис не понимал, что голос ему говорит, достаточно было и того, что голос просто звучал в его голове. Рассвет Денис встретил на выходе из города.

Это знакомое многим, я уверена, чувство, было для меня новым. Я до сих пор не решаюсь дать ему точное название. Ведь как-то конкретно назвать его означает для меня потерять навсегда его необычность и своеобразную магию. Я также не могу его никак охарактеризовать. Но я всегда узнаю его, когда оно приходит. И мысленно легкой улыбкой приветствую его.

Это случилось. . . Да, был солнечный день. Лето. Почему-то я всегда была уверена, что для таких событий больше подходит середина осени с ее утренними туманами и морозящими дождями. Это казалось мне, не знаю, более правильным, книжным. Как в романах. Но все было наоборот. Замерший душный воздух летнего вечера, розовато-фиолетовая полоска будущего заката. Зеленый шум старых больших каштанов и суетливые веселые крики стрижей, взмывающих в синее небо с красно-кирпичных крыш. Мы лениво лежали на диване, уставшие от дневной жары. Балконная дверь была закрыта, позволяя кондиционеру охладить квартиру. Надоедливый шум телевизора смешивался с дымом сигарет и кисловатым запахом старого паркета. Все это создавало поистине удушливо ленную атмосферу.

Из полудремы меня вывел истеричный визг и хлопанье крыльев. Неторопливо вышла к источнику шума. Он находился на балконе. Как ни странно, но мама, находившаяся до этого на кухне, тоже услышала визг и пошла на балкон. А там на деревянном подоконнике, отчаянно лупя своими красивыми черноватыми крыльями, рвался на свободу стриж. Когда наблюдаешь за стрижами с девятого этажа, они кажутся легкими черными точками. Но тут передо мной билось живое существо. Его черные глаза бусины смотрели только на небо, отгороженное от него стеной стекла. Блики в глазах бешено метались, крылья не останавливались ни на секунду. В первое мгновение я опешила, залюбовавшись черными перьями, гладко подогнанными друг к другу. Но потом страх волной от стрижа перешел ко мне. Его страх. Страх оказаться вдали от синей бездны, от потоков ветра, всегда струящихся под крыльями. Он боялся нас, людей, странных существ, которые не летают. Уверена, его голова кружилась от совершенно незнакомых и непривычных запахов нашего балкона. Сердце его стучало быстро, очень быстро, застав-

ляя работать крылья постоянно. Да и сердцебиение птиц намного быстрее человеческого.

В своей панической боязни стрижа, по моему, ничего не видел и шарахался от всего. Когда я подошла ближе он взмахнул крыльями, попытался оторваться от полированной поверхности подоконника и упал на пол. Но он не перестал бешено бить крыльями. Я быстро нагнулась, взяла его в руки. Я чувствовала его крылья, перья, его бьющееся сердечко. Его отчаяние. Его надежду. Он был очень легким и таким хрупким. Казалось, его легко сломать. Но одно я также поняла в этот миг: сломать просто его не получится. Он бил своими крыльями меня по рукам, не останавливаясь. Он отвергал мои руки, хотя они были единственным, что могло ему помочь. Он сопротивлялся помощи. Неистово рвался к свободе, которую по его мнению у него хотели отобрать. За это время мое сердце стало биться с такой же скоростью как и сердце стрижа. Мне казалось, что мы разделяли одни и те же чувства. Тот же страх и то же отчаяние. Буквально через секунду я высунула руки из окна, резко встряхнула их тем самым давая стрижу возможность оттолкнуться. Он взлетел и немного криво полетел ввысь. Я опустилась на пол, тяжело дыша. Страх и отчаяние ушли. Я боялась за стрижа. Я боялась вместе с ним. Все это заняло не более десяти секунд, но для меня это затянулось на несколько часов. Теплый ветерок игриво шевельнул курчавую прядь, а я подумала: “Лети, птичка”...

Гроза

Депрессии посвящается...

Пик, пик, пик. . .

Вы никогда не замечали, как жутко плачет касса в торговых центрах? Она словно отсчитывает мгновения, которые тебе осталось жить.

-Да, и еще это, пожалуйста. Я кладу пачку жвачек. Орбит. Мятные. Чтобы отбить отвратительный металлический привкус во рту.

В грязной тележке эту пачку дожидаются другие товары. Про себя медленно перечисляю их, рисуя образ каждого в отдельности, позволяя отпечататься в моем сознании. Пакет яблок, пакет сока, две упаковки творога на завтрак (жутко улыбающаяся рожица деревенской девушки-колобка на зеленом фоне на упаковке), литр кефира, крупы, сахар, разрыхлитель, зачем-то мы взяли антистатик и, конечно, хлеб. Он сильно выделяется среди всего остального. Еще бы. Не фабричного производства, а местного, магазинного, свежий, черный, хрустящий с семечками и изюмом. И от него так восхитительно пахнет. Он еще теплый прямо с печи, и своим теплом прогревает мою душу даже на расстоянии. Мне просто достаточно знать, что он здесь, рядом.

-Не, ну ты слышал. . . Ахахах. Сирьёёёзно.

Голос незнакомого парня, рассказывающего своему другу крайне важную и занимательную историю, вырывает меня из оцепенения. Привычным нервным жестом завожу прядь волос за ухо. Почему-то на глаза опять возвращаются слезы. Втягиваю шею, чтобы голова оказалась вровень с плечами, поправляя капюшон. Беру самый большой из двух лежащих в тележке пакетов.

-Нет, нет, дорогая. Еще наносишься за свою жизнь.

Она решительно отбирает пакет у меня и вручает свою легенькую сумочку взамен. Нельзя допускать этого. Но. . .

Вечером у нее опять заболит спина. А все потому, что ей нельзя таскать ничего тяжелее килограмма. Но это в теории, а практическая сторона жизни вещь совсем другая. И снова это чувство вины. Я ощущаю себя безмерно виноватой перед ней. Уже очень давно. Наверное, всегда. И буду твердить это вновь и вновь. Прости, прости, я виновата, я знаю. И еще раз прости. Мое

прости безмолвно, и она его не слышит, не видит, не чувствует. Она пока еще не знает, что я так извиняюсь перед ней. Когда-нибудь, когда время притупит раны, она поймет. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Из-за этого чувства вины, я почти не расстаюсь с нею. Уже месяц я стараюсь по возможности все вечера проводить рядом. Ходить с ней за покупками, смотреть телевизор, просто быть. Она не понимает в чем дело, но радуется безмерно. Просто, как и я, старается не говорить об этом. Я знаю, вся эта ситуация тревожит ее сильнее, чем она может и хочет показать. Я практически не общаюсь с друзьями, про одноклассников вообще молчу. Про друзей . . . И сказать больно. Я отделилась от них. Сама себя убедила в том, что это для их же блага, чтобы они даже не вспомнили потом обо мне. Но в глубине души я ведь знаю. Я хочу побыть побольше с ней.

Глаза покраснели снова. Слезинка, на минуту задержавшаяся на реснице, была немедленно сметена ладонью. Дура. Так нельзя.

Мы идем к выходу торгового центра. В мутном стекле бутика напротив я вижу наши отражения. Два существа женского пола примерно одного роста. Я — маленький пухлый карлик в старой ветровке ярко-розового цвета. Кричащий оттенок. За это время я непростительно сильно растолстела. Она — элегантная женщина средних лет, в стильном блейзере, но эти два огромных пластиковых пакета просто убивают весь ее вид.

На улицу уже опустились сумерки, добавив в атмосферу голубоватый оттенок. Температура упала с тридцати до десяти градусов. Ветер рвет деревья. Мы перебегаем через дорогу на последние секунды светофора. В спину нам сигналият машины. Случайно поднимаю голову вверх, тут же спохватившись, снова втягиваю ее в плечи. Но увиденное все еще остается со мной. Крупные сочные зеленые листья каштанов и тополей вздрагивают под порывами ветра. Ветки нещадно хлещут по окнам рядом стоящих домов. Вокруг мчатся машины, кричат наперерез ветру люди, а сам он подбавляет хаоса, кружа листовки и прочий мусор, дуя в лицо и пытаясь стянуть с нас одежду. А небо. . . Оно серо-синее, многослойное, кажущееся бесконечным. Стальные тучи, словно крепко впаялись в его плоть, создавая почти сюрреалистический пейзаж. Электрическое небо. Предгрозовое.

Мы заходим во двор. И тишина и спокойствие этого места почти оглушают меня. В глубине двора на лавочке, скрытой каштанами самозабвенно целуется парочка. Заметив нас, они мгновенно отскакивают друг от друга. Девушка одаривает меня высокомерным чуть испуганным взглядом. Сейчас она чувствует себя на вершине мира, словно ей открылась неведомая остальным тайна. А мы простые смертные пока не узнали такого. Она уверена, что хозяйка вселенной. Как я ее понимаю. Когда-то я тоже чувствовала себя королевой. Я отворачиваюсь и провожу дальше.

В двери скрипят ключи. В нос из раскрытой двери ударяет кислый за-

пах старого дерева. Это наш сорокалетний паркет. Мама что-то произносит детским жеманным голоском. Ей кажется это очень смешным. Потом она комментирует чьи-то действия, подшучивая над их глупостью. Я угаваю в ответ, не особо вслушиваясь и стараясь скрыть раздражение. Не люблю, когда она ведет себя так. Люди разные. Не всем же быть такими правильными, умными и сообразительными как она. Люди вообще по природе слабые недалекие существа. И снова это чувство вины. Нельзя так говорить о ней. Нельзя злиться на нее.

Стемнело совсем. Десять вечера. Бог мой, а пришли мы только в восемь. Неужели прошло два часа? Я разобрала вещи, переоделась и села на кровать на секунду, чтобы посмотреть в окно, а прошло два часа. Всхлип произвольно вырывается из горла. Тут же ладонями зажимаю рот. Нельзя, чтобы он услышала. Два часа. Я ничего не помню. И не помню, когда это началось. Что-то темное забирает меня, и я не в силах с этим бороться. Моменты света так редки. Поэтому я провожу их с ней. Случается, что я на секунду задумаюсь над чем-то, а оказывается, что прошел уже день. И я опять опоздала и не пришла в школу. Она не знает: каждый раз я вру ей, и стена становится все выше, а вина все больше.

Я проснулась среди ночи. Теперь я постоянно встаю по ночам: ведь уже давно потеряла чувство времени. Мы спим с открытыми окнами. Вечернее напряжение разрилось грозой. Крупные ливневые капли бьют со всей злостью, на которую способны, по ни в чем не повинному асфальту. Я иду на кухню, включаю кран для фильтрованной воды. Набираю полный стакан. Медленно пью, хотя не хочется, до спазмов в желудке. Окно на кухне низкое, почти французское, этаж семнадцатый. Завороженно подхожу к нему, нервными подрагивающими пальцами снимаю сетку. Дождь врывается в прямоугольник кухни. Капли падают на белую ночнушку, оставляя серые разводы. Оглядываюсь назад, словно прощаясь. В память врезаются красные цифры на микроволновке, показывающие время. 2:30. Бьет молния. Синяя, с белыми краями в черном небе. Дождь заливает глаза. С последующим раскатом грома все заканчивается.

Она проснулась от внезапного сильного порыва ветра за пять минут до рассвета. 4:55. Повинуясь интуиции, пошла на кухню. Сетка на окне сорвана, пол залит водой. Она еще ничего не поняла и не скоро поймет.

НИ-17.

Она скользила в тени... Никогда еще она не ощущала такую легкость во всем теле, никогда еще ее ноги не были так быстры и проворны, никогда еще ее сердце так сладко не сжималось в груди от волнения, а кровь так быстро не бежала по венам. Впервые в своей жизни она делала что-то настолько противозаконное и опасное. Нет, почти вся ее жизнь состояла из ежедневного нарушения правил, постоянного неподчинения и скрытого протеста, но сейчас она нарывалась на пожизненное заключение. Ее это не пугало, наоборот придавало ускорения и желания двигаться вперед, бежать навстречу неизвестному.

Здесь, внизу, царил серый цвет. Сам воздух и мелкая пыль, что причудливо кружилась в нем, были серыми. Если бы не кислородная маска, Эви не продержалась бы и пары секунд. Свет тоже был серым, но более светлого оттенка. Солнце уже почти сто лет не заглядывало сюда, по воле людей, конечно. Здания, их краска с годами облупилась и облезла неровными кусками, от сырости давно сгнили и тоже начали отсвечивать серым. Провалы, образовавшиеся на месте бывших когда-то здесь окон, и тени, что отбрасывали здания, были насыщенного темного серого цвета, почти черного. Нижние миры, как в шутку их прозвали обитатели Верних этажей, могли на самом деле считаться царством теней. Ведь тень — то, что возникает на границе добра и зла, света и тьмы, черного и белого, а следовательно она сера, как одежда Эви в этот самый миг.

Вообще, экипировка Эви была последней военной разработкой, но добрый папа подарил пилотный образец своему капризному чаду еще в том году, как игрушку, про которую вскоре забудут. Это была защитная одежда со встроенной системой «Хамелеон», позволявшая владельцу беспрепятственно проходить мимо разных датчиков и систем слежения. Но самым большим плюсом этой экипировки была обувь. Удобные легкие берцы, имевшие небольшое родство с кроссовками, с вентиляцией, так что ноги не потели после часа умеренного бега и не уставали, скрадывали звук шагов.

Эви подошла к границе сектора. То, что было до этого, на самом деле разминка. Начинается самая трудная часть, но нужно же будет и обратно

как-то возвращаться. Но подумать об этом Эви уже не успела. К ее огромной радости, ей навстречу, издавая громкое жужжание, резко звучащее в тишине, и потому создающее резонанс, неся дрон. По форме он напоминал сферу, гладко-черную, с глянцевым блеском, что тоже выделяло его на фоне всего остального, имевшего хоть и разные оттенки, но одного серого цвета. Издалека он был похож на маленькую черную точку. Но он становился все ближе и ближе и уже напоминал жирную муху, которую Эви видела на картинке в учебнике по биологии. Раньше мухи жили здесь и сильно докучали местным жителям. Но теперь тут не живут даже люди. Скорость у дрона была большая, меньше чем за пару секунд он достиг Эви и теперь завис перед ней, хотя находился до этого на другой границе сектора. Значит, защита даже на нижних мирах работает превосходно. А как же иначе объяснить то, что дрон, словно хищник, почуявший добычу, так резко рванул в ее сторону. А ведь она только слегка приподняла полу защитного плаща, специально, конечно.

Бедный дрон, жаль он не может знать как гнусно будет использован сейчас, как жестоко над ним надругаются и используют его. А заодно и всю правительственную систему. Эви чуть не расхохоталась в голос. Но вовремя сдержалась. А пока, наивный дрон висел прямо перед ней в серой густоте воздуха и неистово-громко жужжал. Эви подняла правую руку, чуть оголила запястье, на котором был браслет, и поднесла его к считывающему устройству дрона. Мамин браслет, украденный из косметички. Он открывал полный доступ ко всей информации, лежащей в голове дрона. Через пару секунд, она знала, куда точно ей следует идти. На картах, в памяти дрона, это место значилось как заброшенная ТЭЦ, но только Эви это не интересовало. Ей нужно было то, что находилось немного поодаль и намного глубже под землей. Мало кто знал, и слава всем тем богам, которых придумало людское воображение, но под городом была широко разветвленная сеть катакомб, и один из входов в нее был расположен в ТЭЦ.

Эви вышла из тени здания, чтобы тут же нырнуть в другую. Она двигалась быстро, но вдруг до ее ушей долетело странное жужжание. Поблагодарив свою интуицию за то, что сохранила управление дроном за собой, она отправила вышеозначенного дрона к месту, от которого исходило жужжание. Как ни велико было ее удивление, когда она увидела там людей, но все же наибольшее удивление вызвало то, что она не увидела практически никакой защиты на них. Они дышали через кислородные баллоны, но кислородные маски намного удобнее и практичнее и скрывают лицо полностью. Эти люди были без какой-либо защиты на одежде, и их руки были без перчаток, а насколько Эви знала, уровень радиации в этих районах все еще очень высок. Рядом с ними был дрон, но не такой как приятель Эви. Этот издалека напоминал человека, но вот то, что служит людям головой, было у него сильно вытянуто

вперед, и сбоку он походил на букву «Г». Второй дрон не обратил внимания на своего меньшего собрата и сосредоточил свое внимание на людях. Это позволило Эви подлететь к ним поближе и рассмотреть их лица. Они все были мужчинами, причем сильно заросшими и неухоженными. А еще они все были не молодыми. Глубокие морщины прорезали их лица, сделав похожими на кору деревьев в парке Миллениум. Но Эви больше поразило то изнеможение, сильная усталость и глубокая печаль, что отпечатались на их лицах. Среди них выделялось одно лицо. Где-то Эви его уже видела. . .

Но не сейчас. Ей следует поспешить. Она подумает об этом потом. Все равно фотографии их лиц были загружены к ней в браслет. Дрона она отпустила, предварительно подправив ему память. Теперь он был бы ненужной помехой. Хорошо, что раньше люди строили дома так близко друг к другу. Спасительная тень была всегда под рукой. Так, словно став призраком, Эви добралась до ТЭЦ. Как и все здания внизу, здание ТЭЦ тоже было разрушено плесенью, сыростью и временем. Внутри ее встретила та же тишина, проникнувшая в город вместе с серым цветом. Но Эви интересовал только вход в катакомбы. В инструкциях было написано, что он в восточной части здания, на первом этаже, в бывшей подсобке охраны. Эви нашла то место, где раньше сидел охранник. Под слоем пыли и грязи были погребены старые модели компьютеров, большое кресло и несколько шкафов. Они рассохлись, развалились, по их силуэтам, можно еще было угадать, для чего их использовали. Пройдет десять лет, хотя нет, намного меньше, и будет уже не угадать, что есть что. Несколько стен обвалилось, придав помещению совершенно несолидный и неопрятный вид. Но сделав пару шагов вперед, Эви обнаружила зияющую дыру - вход в катакомбы.

Фонарь был совсем новый, тоже одна из военных разработок, не требующая зарядки, изменяющая интенсивность свечения, от того он испускал холодные белые лучи с синим отливом. Наверное, люди, разрабатывающие военную экипировку сами очень холодные, потому что Эви от этого света сделалось слегка неуютно. Катакомбы встретили ее еще более тихой тишиной, если можно так сказать, по сравнению с Нижними мирами. Но цветовая гамма здесь была совсем иная. Если ТЭЦ принадлежало к царству теней, то катакомбы были царством тьмы. Все вокруг было черным. Не видно было ничего, спасал только фонарь. Казалось, что чернота густая, словно желе, и ты в ней вязнешь. Эви высоко подняла руку с фонарем. Сразу стало видно, что она в туннеле, неизвестной длины, с голыми стенами, покрытыми плесенью, и земляным полом. Ей нужно было идти прямо все время, пока она не наткнется на дверь. И хотя прошло не более двух минут, с того времени, как она сюда вошла, но ей показалось, что она пробыла в катакомбах несколько часов. И тогда Эви побежала. Она не слышала звука шагов, но чувствовала как бежит, как быстро несут ее ноги и как сильно стучит ее сердце. . .

Эви сбила дыхание, поэтому сейчас судорожно дышала. Перед ней была дверь. Совершенно новая, с гладкой поверхностью и особым замком. Эви получила ключ. Она открыла дверь и вошла, а затем посмотрела на часы. Рано. Но это значит, что у неё есть несколько минут, чтобы оглядеться. Комната была большой и круглой. Посередине стоял круглый стол, непостижимых размеров, заполонивший всю комнату, что навевало мысли о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Лампы наверху громко жужжали и светили зеленым. Снять капюшон и кислородную маску Эви и не подумала. Не за чем остальным видеть ее лицо. Она вновь бросила быстрый взгляд на часы. Ровно девять.

В это же мгновение в стенах комнаты появились двери, которые сразу открылись, впуская людей. Их было так много, что в комнате сразу стало тесно. Не десять, не двенадцать, а около сорока человек. Все они были одеты так же, как и Эви, в плащ-хамелеон, темные берцы и абсолютно все имели на лице кислородные маски. У некоторых еще были встроены устройства, которые изменяли голос. Тишина отступила, слышались голоса и смех. Кто-то обнимался, кто-то жал руки. Несмотря на столь сложную защиту, они все равно узнавали друг друга. Вскоре в стене появилась еще одна дверь. Она медленно отъехала в сторону, и на порог комнаты вступил мужчина. Почему Эви подумала, что это мужчина? Потому что если бы женщина была такой, то ее было бы очень жалко. Этот субъект имел рост более шести с половиной футов и необычайно широкие плечи. Он извинился за опоздание, подошел к столу, набрал какую-то комбинацию цифр на приборной панели и начал собрание. Остальные сразу же подошли к столу. Эви в это время присматривалась к этим людям, пытаясь определить, где тот, что позвал ее сюда.

В письме было сказано, что она поймет, кто ее нанял. Интересно только как? Поэтому решив, что наниматель сам ее найдет, она прислонилась к стене и стала прислушиваться к тому, о чем говорили эти люди. В начале шел идеологический бред, свойственный каждой подпольной организации. Потом они заговорили об оружии, схемах доставки, объединении городов, складах. Но вот речь зашла об организации безопасности доставки груза. Кибербезопасности. Эви наострила уши. Она знала, что это должно напрямую касаться ее нанимателя. Субъект, шести футового роста, оказавшийся главой этой группы организации, кивнул в сторону человека, стоявшего слева от него, и вопрос отпал. Человек, до этого что-то рассматривавший на столе, поднял голову и встретился со взглядом Эви, он медленно ей кивнул. Эви пришлось обойти половину стола, чтобы добраться до него. Хорошо, что на нее мало кто обращал внимание. Как только она подошла к нему, человек сделал шаг назад от своего главы, повернулся к Эви лицом и сделал знак следовать за ним. В стене снова появилась дверь. Она вела в еще одно по-

мещение, меньшего размера, с белым светом лап. Человек сел на большое кресло стоявшее ближе к правому углу комнаты и знаком велел Эви сесть на стул, стоящий напротив него. Через минуту молчания человек заговорил: «Я сейчас должен быть на собрании. Ждите меня здесь». В его интонациях сквозила такая уверенность в себе, своей важности, что Эви состроила недовольное выражение лица, которое, к счастью, скрыла маска. И все. Не сказав больше ни слова, человек покинул комнату, оставив Эви в одиночестве ждать конца собрания. Недовольно хмыкнув, она приготовилась ждать.

Внезапно взвыли сирены, предупреждающие об опасности. Эви, оказавшаяся в этой комнате, как в ловушке, начала судорожно искать выход. Приказав, панике отступить, она решила использовать свой браслет. Дверь поддалась. Лампы светили с перебоями, отбрасывая на стены зеленые блики. В комнате, что странно, не царила паника. Глава громко, перекрывая гул сирены, сказал, чтобы все возвращались теми дверями, что пришли. Эви попыталась протиснуться к своей двери, благо, она помнила, где та находится. Но вдруг кто-то тронул ее за плечо. Это оказался ее наниматель. Он снова знаком приказал ей следовать за ним. Неизвестно, что обуяло ее в этот миг. Страх, ведь она впервые нарушала закон по крупному, любопытство, она не знала, кто ее наниматель, и что конкретно ему от нее нужно, или привычка подчиняться старшим. Она пошла за ним, сирена продолжала надрываться, вызывая головную боль.

Вдруг стали открываться новые двери, и из них начали выходить военные, в традиционном белом обмундировании, с парализаторами наготове. Среди оставшихся раздались крики о предательстве, появилась паника и толчея. Эви перестала понимать, что происходит. Кто-то, неизвестно из военных ли или из этих заговорщиков, не просто достал оружие, а применил его. Раздались крики, потом начали стрелять уже все военные. Синие лучи пронзали черноту, кто-то выключил свет. Но Эви продолжала идти за своим нанимателем. Вдруг он схватил ее за локоть, толкнул к двери, она ступила в темноту. Наниматель сзади толкнул ее и прокричал: «Беги!». И она побежала, включив предварительно фонарь и высоко подняв его над головой. Она бежала, потому что военные вскрыли дверь и сейчас бежали за ними. Наниматель откуда-то достал парализатор и начал отстреливаться. Ей было страшно. Страшно так, что хотелось остановиться и сдаться, но что-то внутри подстегивало бежать вперед. У нее сбилось дыхание, легкие горели от перенапряжения, холодный пот мелкими каплями катился по спине.

Она слышала стрельбу вдали, но уже не могла бежать. Ноги налились свинцом от усталости. Что-то холодное прикоснулось к ее голове, и она провалилась в темноту. . .

Люди всегда стремились к небу. Часто это объяснялось желанием быть поближе к Богу. Но если допустить, что Бога нет, чем же все это тогда обос-

новать? Стремлением к совершенству? Небо было и остается загадкой номер один. Что скрыто там от нас? Есть ли там ответы на наши вопросы? Но чем ближе мы по нашему мнению подходим к небу, тем сильнее мы на самом деле отдаляемся от него. Не этой ли причиной можно объяснить то, что люди перестали селиться на земле. Они начали строить здания сначала по сто этажей, и они казались им необыкновенно высокими, потом количество этажей с завидным постоянством стало расти. Таким образом, люди строили дома все выше и выше и даже не заметили, когда начали жить за облаками. Конечно, это создавало неудобства для самолетов, но эта проблема была быстро решена. Фундамент, как и раньше находился на земле, но на первых четырехэтажных этажах никто никогда не жил, дальше шли так называемые промышленные этажи, на которых находились разнообразные предприятия разной степени вредности. И только после них на семисотых или восьмисотых этажах начинались жилые помещения. На самом деле, это было очень удобно. Популяция человечества в первые годы сильно увеличивалась, поэтому широкие здания по тысяче, а то и полторы тысячи этажей прекрасно подходили для нужд городов. Стиль зданий был современным. Много стекла, хрома, больше открытых пространств. В моду вошел минимализм. Да, людям и не нужно было множество вещей. Только компьютерная комната. . .

Солнечные лучи, не встретив препятствий, скользнули в спальню. Огромные окна в пол им это позволяли. Раньше, люди всегда могли сказать, какое время года, не ориентируясь по солнечным лучам. Теперь же, только время их появления могло сказать какой сейчас сезон. Но людям и не нужно и не интересно было знать, зима ли сейчас или весна. Хотя Эви точно знала, что зима. Если бы люди продолжали жить как раньше, то многие выйдя на работу бы сегодня, втянули бы носами бодрящий зимний воздух и заспешили бы по делам, получив свою долю свежести. К сожалению, выйти на улицу уже не получится. Выходить особо некуда. Да и здесь, наверху, воздух другой, разреженный. Было девять утра. Лучи нагло пробежали по холодному кафелю, поднялись по одеялу и добрались до лица Эви. Она неохотно приоткрыла один глаз, чтобы тут же его зажмурить. Но дело было уже сделано — Эви проснулась. Она сбросила одеяло и вяло пошла на кухню, чтобы сварить кофе. Родители, видно, так и не вернулись домой с ночного совещания. На столе стояли немытые чашки тарелки, а также неровной горкой были навалены вчерашние газеты. Отец признавал только газеты. Они стоили, конечно, баснословных денег, но благо ее семья могли себе их позволить. Правда, что-то на столе в это утро было не так. Среди обычного бардака, создающего атмосферу жилого помещения, скрывалось нечто чуждое. Сосредоточившись, Эви увидела ослепительно-белую бумагу конверта. Такой же мерзкий цвет был и у стен проходов и общественных комнат. Герб клиники. На все города это была единственная клиника. Холодок ужаса пробрал Эви.

Звонок в дверь. Быстрый взгляд на домашнего дрона, парящего невдалеке. На его панели высветилось изображение. Лицо друга. Губы произвольно улыбнулись, и страх ненадолго отступил. Эви кивнула дрону, стены разъехались, и в комнате оказался юноша, ровесник Эви. А также однокурсник и лучший друг, который старался ее не оставлять. То раскинул руки, и Эви, не задумываясь, приняла его объятия. Было тепло и хорошо. Уютно. Но это ощущение быстро рассеялось. Друг схватил ее правой рукой за подбородок, приподнял голову так, чтобы видеть ее глаза. И огонёк понимания проскользнул в его взгляде. Затем взгляд начал темнеть, а на скуле угрожающе заиграл желвак. Миг, после которого звук пощечины прорезал воздух. Боль накрыла через несколько секунд.

Глаза резало и щипало. Джеймс жестоко ухмылялся, заливая эту дрянь ей в глаза. Он был прав. Хотя это и ужасно больно, но ничего другого, что скрыло бы опасную красноту, люди придумать так и не смогли. Джеймс заставил ее принять душ, плотно позавтракать. Потом он подобрал ей наряд, который не выделял бы ее из толпы. Стены разъехались вновь. Белый свет, белый коридор, белые плащи. Только их лица вмешивались в эту гамму. Общие комнаты находились на самых верхних этажах, поэтому им предстояло подниматься на лифте. Бесконечная анфилада залов с потолками высотой до двадцати футов, которых казалось и не было вовсе. Все здесь было из стекла — стены, потолки. Но все равно хотелось верить, что и в самом деле среди облаков. Среди этого царства грез, подсвеченного солнечными лучами, казавшегося невероятно мягким и прекрасным, что хотелось до него дотронуться, но в то же время появлялась боязнь неосторожным движением разрушить эту нечеловеческую красоту. От погружения в мечты и умиление спасали лишь кое-где видневшиеся серебристые опоры, да знание законов физики и здравого смысла. Но Джеймсу явно было не созерцания облаков. Крепко держа Эви за руку, он упорно двигался вперед, стараясь не слишком задерживаться за разговорами с многочисленными друзьями. Фил жил в другом здании, там же, где находились учебные комнаты и до которых было два прохода. К счастью, большая часть студентов уже была на занятиях, и на проходах не создавалось обычных для этой части утра человеческих заторов. Охране они сказали, что проспали лекции и сейчас хотят наверстать упущенное. Конечно, можно и прямую трансляцию посмотреть и записи потом послушать. Но на профессоров приятней смотреть живую.

Фил встретил их радушно. Сложно в этом мире было сказать, когда человек рад тебе по-настоящему, а когда соблюдает вежливость и осторожность. Люди хорошо научились прятать свои настоящие эмоции. Хотя официально говорилось, что полиция мысли выдумки дураков, которым нужна только анархия, но все-то знали, что она существует. Да и офицеры полиции мысли не особо таились. Они могли даже днем забрать человека. Но камеры все-

гда можно обмануть, если знать нужных людей. Для начала Джеймс и Фил проверили вчерашние запасы, пока Эви вела себя, как подобает. Но вчера вечером она перешла через три прохода в черном плаще и спустилась на лифте на сотый этаж. Потом она пропала с камер, а возвращалась уже в три ночи. И что самое ужасное, камеры зафиксировали красные глаза. Фил обернулся к ней, сидя в кресле, и погрозил пальцем, сказав : « Девушка, тебе повезло, что я вчера тебе отследил и вывел эти данные. Я еще вчера за тобой все подчистил. Сколько раз предупреждал: НИ-17 принимай лучше у меня, тут я точно за тобой все приберу». Джеймс зло скрипнул зубами и пробомотал, что лучше бы она эту дрянь вообще не принимала.

Джеймс сказал, что лучше пару часов посидеть в кафе или погулять по Зимнему саду, чтобы на всякий случай запутать камеры. Таким образом они оказались в этом здании на окраине города в самом, из ныне построенных, высоком здании. Две тысячи этажей. На самом верху находлся зимний сад, но эти цветы, столь прекрасные, высокие деревья и трава нужны были только для создания кислорода, а их внешний вид мало заботил правительство. В итоге это было странное нелепое нагромождение чего бы то ни было и своей нелепостью оно часто отпугивало Эви. Поэтому Джеймс отвел ее в зону кафетериев. Оно пила апельсиновый сок, который на самом деле был простой водой. Но имплантат в ее голове заставлял ее видеть оранжевую жидкость в бокале, нос чувствовать запах апельсинов, но только на вкус это была самая обычная вода без вкуса, без запаха, без цвета. Многие даже не знали, что они пьют на самом деле. Эви довелось однажды попробовать настоящий апельсиновый сок, настоящий кофе и настоящий чай. Да, по утрам на самом деле она и все люди городов вместо кофе или чая пьет очень горячую воду. Только тот, кто пробовал настоящее, может сказать, что правительство их обманывает каждый день, но кто поверит этой горстке счастливых, познавших настоящий вкус жизни? Эви решила осмотреться. Она сидела среди таких же обманутых, как и она людей. Но те, счастливо потягивали обман из чашек, стаканов, кружек. Кто знает, может они пьют на самом деле из листьев, а имплантат заставляет воспринимать окружающую действительность по-другому? Она уже ничего не знает и ничего не понимает. Все, что она помнит, это боль холодное прикосновение к затылку чего-то холодного и темнота, в которую она летит. А потом воспоминания хлынули в нее, словно лавина. Усмешка, больше похожая на гримасу боли и отчаяния искривила ее лицо. Хорошо, что капюшон скрыл это от вездесущих камер. Теперь она по-другому взглянула на сидящих рядом с ней. Ох, до чего же они хилые, по сравнению с теми, кто окружал ее вчера. Или позавчера? После НИ-17 целый день почти ничего не помнишь и часто бываешь сильно дезориентирован. Эти люди вокруг все как на подбор высокие, худые, сутулые, с впалыми щеками, рахитичными фигурами, серым, даже каким-то землистым цветом лица.

Все одинаково похожие друг на друга. В глазах скрытое безумие, а плоть — отражение беспорядка, царящего в их душах. У них длинные паукообразные пальцы, холодные как лед. Их касания неприятны и заставляют морщиться от отвращения. Волосы засалены и немыты. Но это не от отсутствия шампуней или денег. Не от лени, а от нежелания следить за собой. Да и зачем? Эви видела как имплантаты сияют сине-изумрудными огнями под их кожей. Они все не здесь. Сейчас они подсоединены к СЕТИ. Поэтому они с таким удовольствием глотают безвкусную воду. Там, в мире грез можно быть кем угодно, и как угодно выглядеть. Там они по-настоящему свободны. И одежда на них серая, такого же цвета, как их жизнь вне СЕТИ. И как она раньше этого не понимала? Нет, не нужно себя обманывать. Она всегда знала об этом, просто сегодня дала волю разрозненным образам собраться в единый поток связных мыслей.

Она поймала взгляд Джеймса на себе. Тот послал по защищенному каналу СЕТИ сигнал: «Вижу, тебе уже лучше?». Она кивнула, затем снова поймала его сообщение: «Идем домой?». И снова кивок. Почему-то горло не хотело генерировать звуки. А те в свою очередь не хотели вылетать наружу. Он подошел, взял ее за руку, и они молча двинулись домой.

Стены раздвинулись, впустив их в квартиру Эви. Джеймс заметил, что ее лицо снова приобрело то выражение, что и всегда. Холодное, враждебное, циничное, надменное. Она снова надела свою защитную маску. И дальше он не смог уже сдерживаться, как сдерживал эти порывы все эти годы.

-Прошу, не губи себя. Не нужно, Эви.- в ответ ему только тишина, да еще более надменное выражение лица.

Он перевел дыхание, чтобы не взорваться совсем.

-Я хочу знать. Почему? Я имею на это право больше, чем кто-либо еще.

Она колебалась. Потом скинула плащ, туфли. Босыми ногами дошла до секретера отца. Набрал код, достала портсигар. Невесело ухмыльнувшись, чуть пошатываясь, как если бы была пьяна, дошла до противоположного конца комнаты, попутно зажигая длинную сигару. Он не знал, откуда, но ее отец всегда держал дома сигары. Она знала, что Джеймс ненавидит, когда она курит. Но сегодня все делала, чтобы его позлить.

-Знаешь, мой друг, а мне прислали письмо. Из клиники.

Джеймс облегченно перевел дух. Наконец-то родители решили заняться жизнью своей дочери.

-Я знал, что рано или поздно это случится. Понимаю, тебе это не по душе. Но мне кажется, что для тебя это будет лучше. Не молчи!-он снова не удержал себя.

-Возможно. . . -еле слышно, с какой-то издевкой в голосе произнесла она.

-От НИ-17 не возможно вылечить. Мне там будут давать его столько, что вскоре я умру от передозировки...-смеясь, через секунду продолжила она,

но договорить не успела.

Джеймс стремительно подошел к ней сзади, что она и не заметила, а может не хотела замечать. Он вырвал сигару из ее пальцев и зло бросил: « Ты можешь отталкивать меня столько, сколько сочтешь нужным. Но я все равно добьюсь правды. Я ее заслужил. А еще я заслуживаю твоего ко мне уважения. Мы поговорим, когда ты придешь в себя. Я попробую сделать так, чтобы ни одна порция этой дряни до тебя не дошла». И он ушел, растаяв в стене. Она подумала, что если бы в ее квартире были настоящие двери, как у людей, что жили в домах, максимум в сто этажей, то он бы непременно хлопнул этой дверью. Она прислонилась к окну. Ей хотелось. Что пошел настоящий ливень, чтобы окружающий пейзаж отражал состояние ее души. Но за окном были облака, весело подсвеченные солнечными лучами. Слеза скатилась по стеклу. Ее можно было принять за дождевую каплю.

Эви утерла слезы и покачивающейся походкой зашла в отцовский кабинет. Там были ее дозы НИ-17, заботливо приготовленные маминой рукой, а также еще одна редкость — настоящая бумага. Эви достала шариковую ручку и начала писать.

В конце двадцать первого века были впервые изобретены имплантаты, что позволил людям перенести сознание в виртуальную реальность. Теперь их жизнь изменилась. Многие в то время думали, что в лучшую сторону. Да. Войны прекратились в реальном мире. Люди перестали отравлять атмосферу своим отвратительным оружием. Но это не означало, что войны закончились на самом деле. Войны перешли на новый этап. Это была война в виртуальной реальности. Люди настолько ушли в виртуальный мир, что позабыли о других науках. Тогда ученые, впервые предоставленные самим себе начали восстанавливать то, что было так неосторожно уничтожено ими же самими. Они поняли, что найти ответы на многие вопросы, что всегда волновали умы людей, можно лишь воссоздав приблизительно ту среду, которая была, когда люди только появились. Ученые пошли на сделку с правительством. Для простых людей строят огромные дома, чтобы не мешаться господам ученым, а те возвращают чистый воздух и исчезнувших животных, попутно занимаются исследованиями космоса, думают как вылететь человеку за пределы атмосферы. в общем занимаются Наукой, а не придумывают новые способы человекоубийства. За это ученые создали кое-что, что позволило правительству контролировать мысли простых людей. Дали им абсолютную власть над простыми смертными. А так как же постоянно подсовывают новые военные разработки, биологическое оружие, новые виды камер и дронов. Мои родители — оба ученые. Мама —врач, вернее она что-то вроде психолога. У нее

исследование. Жизнь простых смертных. Она всех изучает и делает какие-то выводы. Меня она, кстати, тоже изучает. Отец конструирует дронов. Они как бы ученые, но в то же время и на правительство работают. Поэтому за мной почти никогда не следят камеры. Поэтому у меня браслет, открывающий доступ почти ко всему. Я часто была снаружи, за пределами городов. Я знаю, как там хорошо сейчас. Постоянно проводятся тесты среди детей на нахождение склонности к каким-либо наукам. Моим родителям не повезло. Их единственная дочь годится только в искусствоведы. Мама в тот день чуть не умерла от горя. Потом я всю жизнь, живя с нею чувствовала свою ущербность. Зато отец меня любит. Я люблю с ним сидеть в настоящем лесу. Но только со смертью родителей я не смогу больше довольствоваться всем этим. Поэтому у меня с ними договор.

Когда я училась в школе, то познакомилась с парой девочек. Они были глуповатыми и погруженными в мир грез, но они были по-настоящему добрыми. Они всегда мне поднимали настроение, поддерживали. И все эти люди, что ушли в мир грез. Среди них не было ни плохих, ни хороших. Они были обычными, радовались жизни, солнцу, весне. Так по какому праву это у них отобрали? Не они загрязняли биосферу, не они вели разрушительные войны. Пусть без ученых и правителей они и остались жить в каменном веке, зато они были бы по-своему счастливы. Они умеют находить луч солнца даже во тьме. Тогда как я и прочие, выросшие в моей среде, не видят удовлетворения. Они не могут остановиться. На самом деле снаружи не все так радужно. Восстановить утраченное не получилось. Большая часть Земли — сухая пустыня. Человеческий ген стареет, идеи ученых тоже измельчали. Люди почти бесплодны, земли тоже. Мы пошли не по тому пути. Все благие начинания обернулись крахом. И хотя ученые и правители мнят себя выше остальных, на самом деле они так же слепы. Только слепота вторых оправдывается тем, что их сделали слепыми, а первые так и не смогли выйти из своих мелких проблем. Чем сильнее мы развиваем новые технологии, тем дальше мы от звезд. Мы не ищем путей спасения, мы сами роим себе могилу. Но может там, вдалеке, кроется спасение?

Как ты понимаешь, когда такое выливается на тебя в шестнадцать лет, шок будет незабываемым. Я пыталась бороться. Агитация, зубрила физику. Читала про Циолковского, Королева. Ничего. Был выход. НИ-17-новый вид наркотика. Знаешь, у нас наркотики запрещены, а употребление карается пожизненным заключением и стиранием памяти. Это потому что в нас самих каждый день имплантатом создается какой-то вид наркотика, чтобы правительство могло нас контролировать. А наркотик плюс наркотик получается разлад, и человек уже видит реальность такой, какая она есть. Но с помощью НИ-17 можно создать в своем воображении свою собственную виртуальную реальность. В своей я борюсь со злом и являюсь революционером. Через

год от частого употребления НИ-17 я умру. Для меня это наилучший выход. Я собираюсь исчезнуть, пожить на Нижних мирах. Кстати, те, кто употреблял героин или кокаин тоже живут там, только их заставляют без защиты выполнять какую-то грязную работенку. Мне там самое место. Не ищи меня. Я люблю тебя Прощай.

Теперь ты знаешь все, Джеймс.

Твоя Эви.

Дописав письмо, она сложила его в конверт и поставила печать, как будто жила в таинственном восемнадцатом веке. Она взяла НИ-17 со стола, вышла из кабинета и подошла к окну. Бросила печальный взгляд на облака. Потом одела черный плащ, с защитой «Хамелеон». Обула берцы. Кислородную маску пока просто взяла в руки. Стена отъехала, показав огромную комнату с круглым столом посередине и зеленым освещением. Эви с улыбкой шагнула туда. Шприц, через который вводился НИ-17 был пуст.

Идеальная девушка

Она еще раз перебрала в уме все те качества, которыми должна обладать идеальная девушка. Красивая, милая (а это не одно и то же?), забавная, добрая, с хорошим чувством юмора. На этом моменте Она всегда стопорилась. Чем измеряется чувство юмора? Как понять хорошее оно или плохое? Считается ли за наличие этого самого чувства умение смеяться над английскими комедиями и неутомимая любовь к дуэту Лори-Фрай? Но вот друзья ее смеются над совершенно другими вещами и в компаниях их обычно ценят. А она их шутки не понимает. Ей они кажутся плоскими, надуманными, пошлыми. Ладно, она где-то вычитала, что важно, чтобы чувство юмора совпадало. Что ж . . . с этим ничего особого сделать нельзя. Какие еще качества определяют девушку, вслед которой оборачиваются все мужчины от 10 до 60 и чьей улыбки готовы добиваться все белокурые и голубоглазые принцы со стальными мышцами и не менее стальными характерами? Ах да, она должна быть женственной, уметь слушать, хозяйственной и при этом легкой в общении, самостоятельной, но слабой, с сильным характером, который из нее не будет выпирать слишком ярко, своими убеждениями, принципами, но не слишком строгими. . . и что-то еще. Что-то важное она упустила. Ах, опять. На такие вещи нужно тренировать память. А что если записывать полезные качества девушки на руке? Как шпоры перед важными контрольными в школе? Нет, отдает диснеевскими мотивами. Какая-то из принцесс так делала. Значит, в реальности вряд ли сработает.

Она покрутилась перед зеркалом раз в пятый или двадцатый. Недовольно наморщила нос. Стерла помаду шоколадного оттенка. Она сужала и без того узкие губы, превращая их в дождевого червя. Бррр. Нужен блеск. Вроде эффект влажных губ снова в моде? А какой оттенок лучше ягодный или натуральный розовый? А не будут ли губы слишком яркими и не сделает ли она два акцента? Ужас! Это будет совсем уж дурной тон. Кто захочет общаться с девушкой со слишком ярким мейком, когда в моде естественность?!

Она решила сначала определиться с одеждой. Пять образов. Два платья. Две юбки. Шорты. Разные футболки. Разные прически. Сотня фотографий перед зеркалом. В разных позах. С разным светом. Тысяча сообщений

друзьям, начинавшихся либо с SOS, либо 911. Как итог, каждому другу пришлось по вкусу разный образ. В конце концов Она вспомнила важный совет: "Оденьтесь на свидание по погоде. Нет ничего хуже синих дрожащих ног в мини-юбке, когда на улице -15 и дует промозглый ветер. Будьте уместной". Легко сказано, однако для воплощения требуется много усилий. Но совет дельный. Выглянув в окно, Она увидела, что у солнца, по видимому, сегодня короткий рабочий день и оно ушло на час пораньше, сбежало с ненавистой работы. Как и она. Над городом висели тучи точь-точь по оттенку подходящие цвету ее лица. Дул ветер, заставлявший брови сдвигаться все ближе и ближе к переносице. Погода совершенно не подходила под свидание. Но разве когда-нибудь это останавливало женщин на благородном пути поиска своего счастья и спутника жизни? Пришлось доставать джинсы, кросовки, сразу же нашелся стильный обтягивающий топ, обнажающий плечи, теплая куртка с капюшоном на случай дождя. Удобная сумка, в которую влез дождевик и деньги на такси. С макияжем и прической тоже было решено вмиг. Топ требовал только распущенных волос, а намечавшийся дождь обещал испортить любой макияж. Так что водостойкая тушь, стрелки, покрасить брови, нанести неяркий блеск, чтобы не отвлекать внимание от топа. Впору благодарить дождь, что проблема выбора так легко и безболезненно решилась.

Три часа. Три часа сборов. А Она идет в итоге в джинсах. Се ля ви. Время было рассчитано идеально. Опоздание на 10 минут учтено. Но вот проблема: она стоит в назначенном месте в тц, а прекрасного принца все нет и смски от прекрасного принца тоже. Она стояла и стояла. А время неумолимо быстро бежало вперед. Сначала одна минута, потом другая и так набежало полчаса. Она обошла все магазины на втором этаже. Но, о чудо! Звук уведомления. Прекрасный принц пишет о жутком чудовище (читай пробке), что задержало его на пути к принцессе. Но он борется с ним, и явится непременно, только вот принцессе стоит подождать. Терпение значилось в качествах идеальной девушки, и Она стала ждать. Она нашла чудную лавочку и провалившись в хитросплетения сюжета и интриги, что плела Бекки Шарп, спокойно и главное с пользой(качество идеальной девушки номер 11123457785990: не упускать ни минуты, всегда быть чем-то занятой) провела время. И снова чудо! Еще одна смс. Принц победил чудовище и ждал принцессу у фонтана. На беду Она обладала хорошим зрением (не важное, скорее даже ненужное качество для девушки) и вот прекрасного принца и не увидела. Она поняла, что три часа были потрачены впустую. Досадное обстоятельство, но как говорится се ля ви. Не для тощего парнишки со стремной прической и в застиранной синей футболке был надет модный топ, не для него найдены самые обтягивающие из имеющихся джинс. Она фыркнула, пожала плечами, печально усмехнулась и легкой походкой вышла из тц навстречу зажигающимся фо-

наряж и гудящим автомобилям. А на другой стороне от фонтана тоже стоял принц(правда белокурый и голубоглазый), ожидающий свою принцессу. И вот принцесса подходила к нему и он уже придумывал тысячи способов, как сбежать со свидания. Он подмигнул коллеге на другой стороне фонтана, указал на свою принцессу и шепнул : "Беги!" со всей страстностью и пылом, на которые был способен. Парнишка в синей футболке затравленно оглянулся, ища пути отступления, и быстро стал продвигаться к выходу. А белокурый принц начал набирать номер своего друга, который смог бы спасти его от принцессы.

А Она, вернувшись домой, распив с котом чаю, села за ноутбук и написала в фейсбуке, что выбирала наряд на свидание так вдохновенно и долго, что пропустила саму встречу. Говорить о том, что прождала принца больше часа было нельзя и что принц попался неправильный тоже нельзя, а то ее котировки как идеальной девушки сильно упадут и тогда уж точно белокурые принцы на нее не посмотрят.

Р. S. Отберите у меня женские журналы. Они на меня дурно влияют: характер портится, язвлю, ругаюсь. А чтобы быть идеальной девушкой, характер должен быть золотой. Вот так то.

When you fall in love. . .

Утро понедельника, как обычно, не предвещало ничего хорошего. Это явление так же неизменно, как и то, что на Киевской в полдевятого будет настоящая пробка из людей. Видимо, потому даже Меркурий в этот день становится ретроградным и луна уходит в пятый дом солнца. Все боятся понедельника, тихо его ненавидят, но почему-то жить без него не могут, не меняют каждодневную рутину и с наступлением новой недели снова рвутся с жизнью в бой за свой кусок счастья. На самом деле я преувеличиваю, нет даже хуже, гиперболизирую. Если спуститься с утра пораньше в метро, например в Москве, то можно увидеть столько оттенков безразличия и усталости, сколько и представить себе сложно.

Я безбожно опаздывала, причем начала опаздывать еще на оранжевой ветке, когда поезд решил постоять а тоннеле, поэтому на кольцо ворвалась в вагон со всей решительностью и всем отчаянием, на которые только была способна и в первые несколько секунд, прижатая со всех сторон к людской массе, задвинутая напиральной толпой к двери, я никак не могла отдышаться и осознать, что пока все, погоня за временем закончена. А потом я увидела его. . .

Говорят, что любви с первого взгляда не существует, что это банальная симпатия, которую романтические личности склонны преувеличивать и придавать ей некий флер чувственности и загадочности. И я в принципе с этим привыкла соглашаться, ведь даже для формирования влюбленности нужно не только физическое притяжение и внешняя привлекательность друг для друга, но и притяжение характеров, интересов. . . А для этого человека требуется хоть немного, но узнать, поговорить с ним и уже по манере речи осознать, сможешь ли ты в него влюбиться или нет. Но, как обычно, было в этот день одно большое но, хотя, конечно, я сама не берусь дать какое-то определение тому чувству, от которого вмиг потеплело в сердце.

Стремясь стать поудобнее в вагоне или хотя бы занять сколько-нибудь устойчивое положение, я медленно разворачивалась и случайно сумкой задела молодого парня. И конечно, я решила тут же извиниться, и на этом можно ставить точку и заканчивать рассказ.

И даже сейчас по прошествии нескольких дней я помню каждую деталь, секунду, миг, жест. И вот ты ты поднимаешь голову, ваши глаза встречаются, у тебя учащается пульс, расширяются зрачки, и ты, распознав симптомы и их испугавшись, резко и нелепо прячешь лицо в волосах и огромном шарфе. Но улыбка, улыбка против воли появляется на губах и легкими смешинками прячется в глазах, а подрагивающие ресницы и покрасневшие от смущения щеки выдают тебя с головой. Ты снова чувствуешь себя как в младших классах, когда тебя переполняют чувства, а ты и признаться не можешь и боишься, потому что все вокруг засмеют тебя. Но в этот раз все по-другому: каким-то пятым чувством ты замечаешь его улыбку и с огромной боязнью и надеждой снова поднимаешь глаза, чтобы посмотреть уже глазами на эту улыбку, видишь еще и его отчаянно задранное вверх бровь, внутри тебя что-то взрывается и вмиг становится все легко, понятно и просто. А когда ваши взгляды вновь встречаются, вас обоих пробирает такое веселье и смех, и улыбки уже не остановить. Вы оба всматриваетесь в каждую черточку, подмечаете малейшие детали (легкий пушок на щеках у нее, родинку над бровью у него) и впитываете, впитываете в себя эти детали, стараетесь затвердить на подкорке каждую черту в доли секунды ставшего таким родным и любимым лица. Кажется, что даже время остановилось и не осталось ничего вокруг в этом мире, кроме вас. И плевать, что вы зажаты в плотном кольце безразличных друг другу и самим себе людей, плевать на все, кроме этого непрошенного чувства, подобного чуду. Вам двоим кажется, что прошло несколько часов, а то и дней, хотя в реальности все заняло 3 минуты, ровно одну остановку метро от станции октябрьская до парка культуры. А затем. . .

"Станция парк культуры, переход на сокольническую линию. This is park kultury. . . "

И все - вы снова чужие люди. Вы расходитесь по своим делам и жизням, чтобы никогда вновь не увидеться.

И не нужно тешить себя надеждами, о том, что вы рано или поздно встретитесь снова. Не встретитесь: жизнь - это не американская мелодрама с обязательным хэппи эндом. И нужен ли вообще этот счастливый конец? А если и встретитесь, то вряд ли узнаете друг друга, черты лица уже сейчас расплываются перед глазами, вы помните только мелкие детали, а общую картинку никак не получается собрать. И тем более не стоит из-за этого расстраиваться. Ведь у вас каждого за спиной отношения, привычные, знакомые, где все, как на ТО (проверка движка, замена топлива), но вам с них комфортно и вряд ли бы вы согласились их променять на что-то новое, незнакомое. . . Да вы и имен друг друга не знаете, да и не нужны они. Но, расходясь по своим делам, улыбка будет освещать ваше лицо и настроение будет просто заоблачным, хоть день, хоть час, хоть пять минут. И во всем вокруг: и в лужах, и в еще не погасших фонарях, и в сером небе, и в зданиях, в действиях и мыслях будет

невероятная, непомерная легкость. . .

В Москву пришла весна.

Подъем в 6:30, впрочем как и всегда вот уже почти год. Быстрый взгляд в телефон, погладить сонного кота. Он опять презрительно прищурит свои жёлтые глаза и надменно отвернётся. Затем пройти на кухню и, пока пьёшь стакан холодной воды, выстоявшей ночь в серебряном кубке (не спрашивайте даже зачем это делать, очередной параноидальный родительский всплеск), любоваться аккуратными золотистыми прямоугольниками солнца, разукрасившими кафельный кухонный пол. Часы показывают уже 6:45, а значит, следует поспешить.

И вот ты уже выходишь из квартиры. На ногах старые кроссовки, потому что новые остались в общежитии в Москве, такие же старые лосины, в которых только на дачу и ездить, сверху старая ветровка, чёрная шапка. . . Но, кажется, чего-то не хватает, чего-то ставшего столь важным, что без него ты точно никогда не выйдешь из дома. Да, точно, на руки одноразовые перчатки, на нос многоразовую маску с забавными пузатыми котятами, которую заботливо сшила одна из маминих пациенток. Конечно, доктору ни в коем случае нельзя болеть, иначе. . . Впрочем не стоит о грустном.

Ты уже на улице, вдыхаешь через ткань тёплый ласковый апрельский воздух. Будто издеваясь, весна пришла к нам именно сейчас и развернулась в полную силу. Солнце кокетливо светит, прячась за ветвями деревьев, словно юная скромница. Почки робко, но неумолимо пробиваются, радуя глаз своей свежей зеленью. Ты останавливается на миг и вдыхаешь и вдыхаешь этот чудный воздух, который приходит каждый год и каждый раз даёт надежду, и силы, и веру в лучшее. Ты никак не можешь им надышаться и, кажется, что тебе все мало, что ты что-то недополучаешь, а ведь так и есть. Маска не даёт тебе в полной мере заполнить свои лёгкие кислородом, из-за нее ты в полной мере не можешь ощутить дыхание прохладного апрельского ветра, в душе начинает подниматься обида. Как? И тебя уже и этого лишили? Разве мало было им твоего привычного образа жизни, планов на лето? Но кто такие эти непонятые мы, кто виноват во всем случившемся? Да, никто, и ты прекрасно это понимаешь, никто ни в чем не виноват, так бывает. Это жизнь. А маски — они нужны. И разве это не честно? Впервые люди не скрывают, что выходя

из дома, надевают маски. . .

Полчаса пробежки в парке, и ты снова в родном подъезде. Подняться на нужный этаж. Открыть квартиру. Снять перчатки, сложить в специальный пакет в коридоре, который при следующем походе на улицу выкинут отдельно, снять ветровку, шапку, сразу же пройти в ванную, вымыть руки антибактериальным мылом, там же снять маску и в тот же миг постирать ее с антибактериальным мылом. Вернуться в коридор, достать отпариватель и обработать верхнюю одежду и обувь. Фух, вроде ничего не забыла? Нет, ничего. Теперь быстрый душ, завтрак на скорую руку, доделать дз, а времени все меньше и меньше, пары начинаются в девять.

В 16:50 ты, наконец, оторвешь свой взгляд от ноутбука, глаза будут нестерпимо болеть и слезиться, голова будет раскалываться на части, кажется, снова поднимается температура. И нет, это не потому что ты, несмотря на все принятые меры предосторожности, умудрилась-таки им заразиться, нет, это реакция твоего организма на восьмичасовой учебный день перед ноутбуком. Ты поднимаешь голову из-под горы учебников, которой оказалась завалена, мутным взором обводишь комнату, не до конца понимая, что же с ней случилось за 8 часов. Находишь в эпицентре разгрома несчастного кота, который пытался хоть как-то до тебя дозваться, и понимаешь, что уголки твоих губ немного приподнялись.

Обычно тебе еще нужно сходить в магазин или в аптеку, чтобы купить продукты и лекарства своим бабушке и дедушке, а также некоторым соседям, которым уже больше 65. Но сегодня особенный день, сегодня никому ничего не надо приносить. Но почему-то ты идешь к зеркалу и впервые за полтора месяца начинаешь краситься. И плевать, что за эти полтора месяца кожа отдохнула от макияжа, плевать на то, что за маской все равно никто ничего не увидит. Вся твоя душа, вся твоя внутренняя суть требует этих действий. Накраситься, надеть легкомысленную светлую блузку, длинную зеленую юбку, которую ты так и не успела выгулять, подобрать к образу украшения, уложить волосы, достать черные башмачки, не забыть, конечно, про маску, которую ты тоже подбираешь под образ, перчатки в тон маске — вуаля, ты готова к прогулке.

Нет, не подумайте, ты не собираешься ничего нарушать, ты идешь в парк, который прямо через дорогу от твоего дома. Но впервые за полтора месяца тебе это нужно, небольшой глоток свободы посреди неразберихи, запретов и скрытой паники. За сборами не замечаешь, как быстро прошло время и что на город уже начали опускаться сумерки. В легкой синей дымке ты доходишь до парка, вставляешь наушники и погружаешься в собственный прекрасный мир, мир, где нет пандемии, где нет масок и антисептиков, где властвует лишь магия сумерек. Ты оказываешься наедине с самим собой и впервые можешь спокойно думать об абстрактных понятиях и вещах. Завтра ты снова погру-

зишься в учебу, снова будешь мечтать об окончании периода самоизоляции. Но сегодня ты позволяешь себе жить этим самым мигом, этим весенним воздух, обманчиво обещающим перемены, и это то, что коронавирус у тебя не отнимет.

И вот ты идешь, слушая, как в динамиках Боб Дилан выпевает: «Кноск-Knocking on Heaven s door . . .», — ты идешь навстречу разгорающемуся закату, не замечая, как за тобой один за другим вспыхивают фонари.

Love story.

They first met in 1947 in Paris in a club called "The club of five". Her friends set her up with him. It wasn't love at first sight. She was very short like a sparrow, and everyone called her a Sparrow. She was a good-looking woman with a petite and yet shapely figure. She got heart-shaped face with very thin eyebrows and the curly helmet of bushy jet-black hair. He was tall (about six feet) and burly. His olive skin, wide black eyebrows and curly dark hair gave away his Algerian origin. They just got acquainted and that's all. They didn't meet on the other day, he didn't ask her out on a date. He thought that she hadn't even remembered his name.

They didn't see each other again they both came to New-York. She had a concert there. One day he called her when she was already going to bed, he introduced himself and said: -We met at the Club of Five, I'm a boxer and asked her out on a date. He took her out to a very cheap eatery, where they had to icecream as the other food was disgusting. But soon he realized his mistake and took her to the lavish restaurant called "Le Gurmé— the most popular restaurant in New York boasting its french cuisine. On the date every time their eyes met, they both felt butterflies in their stomachs. They talked about everything and soon they both realized that they had a lot in common. No, they didn't share the same interests and tastes in everything, because it was a real love story, not the one you might see in a Hollywood movie. She was the daughter of the streets who made good - so good that she conquered the United States and the rest of the world with a powerful, throbbing voice that contrasted with her tiny, frail body. He was the fighter who also learned his trade on the streets and who won the world middleweight championship, taking the title away from Tony Zale at Jersey City's Roosevelt Stadium in 1948. He was the idol of the French, the hero the country needed for the restoration of national pride that had been so badly dented during the war. Besides, they both were very much into their work, into their career. They knew what the glory was like and that's why I think, they connected in so many ways that it astounded them. I believe, that it was the first time for both of them

they felt that kind of love and understanding. I'm sure that they were soulmates, that they belonged together.

After that date they started going out, their relationship soon became a very public melodrama. However, their relationship wasn't stormy, they didn't fall out over minor things, they got along fine together. They were head over heels in love with each other, it wasn't just a crush. The weeks passed, they were having fun in New-York, walking, eating icecream, spending time in entertainment parks. Sounds great, doesn't it? But their fans, their relatives and especially their close friends were confused and didn't approve of both of them. You may ask why and I'll easily answer it. He was married with three children, but for her it wasn't a deal-breaker. She had been married many times for both love and convenience, she was a bit tired of that. She didn't see the point in being the bride, in having a bachelorette party, in a lavish White wedding. She didn't want him to divorce with his wife, she didn't want to separate him from his family, to take the father from the children. She just loved him and wanted to be with him for better, for worse, forever.

But then things started go wrong. Some newspapers started publishing unpleasant articles about their relationship. And he, as thought himself as a gentlemen, had to organize a press-conference. It was the shortest conference in the world. He said: She is my lover but only because I'm married. If I wasn't, I would propose to her". Next day newspapers published no articles about them.

In October 1949 she was again in New-York, having a concert. He was going to meet her there in a week. But she called him and begged to fly to her immediately despite of his fear of flights. He bought tickets for the first plane. . . It was an aircrash, no one survived. She was heartbroken.

She was Edith Piaf, he was Marcel Cerdan and this story was about how the song "Hymn a l'amour" was created.

Оглавление

I Рассказы	1
И. А. Бунин	2
Голос Родины	5
***	10
Гроза	12
НИ-17.	15
Идеальная девушка	27
When you fall in love. . .	30
***	33
Love story.	36